

● Рассказ ●

Михаил ЖАРАВИН

ДВЕ ЗАТЯЖКИ

Несмотря на то прохладное, а иногда и вовсе безжизненное состояние секретариата СП, областные писательские организации отнюдь не поддаются демократическому погрому... Писатели российской периферии мужественно преодолели организационный разброд. И хотя все они испытывают длительное безденежье, пересыпают, как говорится, из кулика в рогожку, но сохранили-таки областные и краевые отделения писательского Союза. Они, эти отделения, выпускают неплохие региональные журналы и даже пополняются за счет молодежи.

Литературная жизнь Вологды — живое доказательство этому. Благодаря финансовой помощи администрации восстановлена нынче прерванная было традиция: издавать первые книги начинающих авторов и проводить областные писательские семинары.

На прошедшем недавно семинаре наиболее обильным (как и раньше когда-то) оказался «улов» поэтический. Но и в прозе выявилось несколько новых надеждующих имен. Жаль, что не оказалось среди молодых ни драматургов, ни критиков. Автор нескольких повестей и рассказов Михаил Жаравин — выходец из сельской глубинки. Работает он наладчиком на подшипниковом заводе, превосходно знает нынешний рабочий, солдатский и крестьянский быт. А самое главное, язык у него не заемный. Не из книг и газет, а прямоком из жизни. По-видимому, многострадальная наша деревня подпитывает не только русскую промышленность, но и русскую литературу.

Василий БЕЛОВ.

Сеньку мать разбудила ни свет ни заря.

— Сенья-а... Семен! Подняйся! Африкан нарядом был, в городок тебе седни, за карасином...

Сенька быстренько вскочил, натянул латаные-перелатанные короткие брючата, выгоревшую до непонятного цвета рубашонку, схватил обрат и побежал к загону по росной холодной траве.

— Молочка-то, Сенья, — крикнула вдогонку мать.

— Потом, мам! — откликнулся парнишка, перелезая через изгородь. Босые ноги немало мерзли, но Сенька радовался: за керосином в район — это не на сенокос, где слепни, труха во рту и носу и сердитые усталые бабы. Увидев лежащую возле куста лошаадь, он начал осторожно к ней подбираться.

— Да это же Шермак! — узнал ч сразу пошел, не скрываясь, а мерин, услышав имя, встал навстречу Сеньке и наклонил голову. Парнишка надел на него узду, ласково приговаривая: — Шермак, хороший Шермак, умный, — и повел конягу за собой.

Шермака Сенька любил за добродушный, непривередливый нрав. Развернув заборы, парнишка вывел Шермака из загона, а загородив вход, влез на изгородь и с нее перекарабкался на спину любимцу и порыснул к дому кладовщицы Конюшиной Полагии.

— Здоров, Семен Потопович, — усмешкой встретила его тетка, — сам запряжешь или помощь нужна?

— Сам, — буркнул Сенька, — давай сбрую.

Полагия, выложив хомут, дугу, шлею, вожжи и сиделко, глядела, как старается парнишка. Потом взялась помогать. Затянув супонь, она проверила, чтоб нигде ничем не терло, и сказала:

— Ну, езжай, да накладную не забудь.

— Ладно, — откликнулся Сенька из телеги.

Подъехав к своей избе, парнишка быстро заскочил в нее, выпил кружку молока, схватил урезок хлеба с несколькими картохами, пучок луковой травы, накладные, оставленные Африканом, и вышел в сени, пошарил в пазу между двух нижних бревен, вытащил оттуда небольшой мешочек с самосадам, который стянул треть его дня у забывчивого деда Матвея и, выкатясь ко лобком во двор, влез на телегу.

— Н-но! Поехали, родимый! — Шермак пошарил уверенной, тяжеловатой, неспешной ступью.

День напылав жаркий, безветренный — было рано, а солнце парило.

До городка верст двадцать с гаком. Чем заниматься в дороге? Хочешь — пой или спи, Шермак с пути не сойдет. Однако Сенька не поет, не спит, а думает. Все про отца. Думается после вчерашней стычки с Витькой Кизиним. Витька теперь загордился, своих знать не хочет. С год будет, как батя у него с войны пришел. Хоть и на одной ноге, а все же. А вчера зашел разговор про Сенькиного бату, и Витька сказал: — Два года войны нету, где

твой папашка? На хрен вы ему сдались, нашел, наверное, санитарочку немку... молодую!

Сенька и не выдержал. Не растащили бы старшие парни, точно наkostenял бы Витьке, хоть тот и проворнее.

Полгода скоро, как нет от отца писем, а в последнем тятка написал «Ждите теперь помощи. Скоро буду».

Сенька ждал. Тайком от матери по утрам и вечерам бегал на бугор, смотрел из-под руки на выбегающую из леса дорогу. А отца все нет и нет. И писем нет.

Еще обидно Сеньке, что отца он не помнит совсем. Да и как запомнить-то, если Сеньке всего два года было, когда отец уехал служить, а потом — война. Но отца Сенька представляет по рассказам матери. Увидел бы, сразу узнал. Отец высокий, широкоплечий и обязательно с большими усами, как у Буденного.

— Мама, а я на папу похож? — спрашивал Сенька.

— Похож, сынок, глазки, бровки да и остов у тебя — отцовские, — улыбалась невестело мама.

И Сенька внимательно разглядывал в зеркале старом свой облупленный красный нос, конюшки, глаза и не верил, что у отца такие же невидные на лице брови.

Так, в раздумьях, Сенька миновал добрые две трети пути. Три небольшие пустые деревушки — народ на покое — он оставил позади. Теперь вряд ли кто попадетс я и помешает. Сенька выволоч из кармана кисет. Наступив пяткой на вожжи и достав обрывок пожелтевшей, еще, наверное, довоенной газеты, он принялся скручивать сигарку. У него получилось что-то похожее на бычью кривую ногу. Он ее старательно облюбовал, раскурил. Закашлялся.

— Разорва какая! — сказал он сам себе, подражая деду Матвею.

Курил осторожно, маленькими затяжками, держал дым

во рту и выпускал, сплевывая обильную горькую слюну.

От горечи заслезилась глаза, запершило язык. Неожиданно перед телегой вырос военный. Сенька оторопел. Лицо солдата лоснилось от пота грязного, ключьями торчала длинная ржавая щетина, но еще более неприглядно темнел от левого глаза до подбородка красно-синий широкий рубец. Не солдат — разбойник. Никого страшнее Сенька никогда не видел. Интуитивно спрятал он руку с сигаркой за спину.

— Пацан, дай курнуть! — Нету, — жалобным, с перепугу, не своим голосом пролепетал Сенька, готовый заблужить во всю глотку.

Военный дернулся, будто споткнулся, сморщился и лицо его стало еще страшнее.

— Сынок, дай хоть на две затяжки... Гляди, штаны спалишь.

Сенька протянул трясущейся рукой остаток измусоленной самокрутки. Солдат ловко подхватил ее, кинул в рот, а свободной рукой быстро развязал походный тощий мешок, выложил к Сенькиным ногам какую-то железку и опустил ее от телеги... Сенька только это и ждал.

— Н-но! Пшел! — Шермак, будто почуяв страх парнишки, снялся с места ходкой рысью.

О памятовался Сенька у паромы — по тому берегу Юга раскинулся городок. И только сейчас он обратил внимание на круглую железку возле ног. «Это же банка с консервой!» — догадался он. Догадался потому, что точно в такой же Витька Кизин носил на рыбалку червяков.

Витька говорил — в банке консерва была, ненашенская, сладкая, мясо прямо само на языке тает. Батя Витькин привез. Сенька обрадовался. Он уже и представил, как дома открывает эту банку, как угощает маму и деда. Солдат теперь не казался страшным, и Сенька жалел, что не поговорил с ним. Надо ведь было про тятку спросить, а вдруг выдались?

Керосином он затарился скоро. Учетчица Дуська Фомина, заметно пополнившая в прошлого раза, но одетая все в ту же серую мягкую юбку и кирзачи, протянула тетрадку и огрызок химического карандаша: — Пиши.

Старательно Сенька вывел свою фамилию: Мекешин. Дуська штампанула накладные, одну подала ему, другую оставила себе и махнула рукой.

— Поезжай с миром, женишок!

У паромы на ум Сеньке пришла нехорошая мысль: «А что я скажу маме, если она спросит, где взял консерву? Выменял у солдата за две затяжки ворованным самосадам? А где еще!» — И он чуть не бросил от обиды банку в реку, но привитая войной не детская практичность не позволила совершить глупость. Сохранить втихаря один банку мяса Сенька тоже не мог.

Он все больше и больше расплалял себя. Думал не о том, что скажет мать, а о солдате.

«Военный попросил курнуть, а вместо того, чтобы отдать ему весь табак, откупился чинариком на две затяжки да взамен еще и банку мяса взял!» — Сенька уже забыл, что в момент появления солдата испугался до беспомощности, а банку тот подложил сам.

До родной деревни оставалось совсем немного, когда Сенька впереди увидел взмокшую, в разводах белесой соли гимнастерку.

— Дяденька!

Военный остановился.

— А, это ты, малыш...

— Садитесь, дяденька, подвезу...

— Спасибо, — и военный уселся рядом с Сенькой.

— Курить будете, дяденька, я разжился.

— Давай.

Сенька без сожаления вытряхнул на грубую широкую ладонь солдата содержимое кисета, подал смятый клочок газеты. Солдат долго нюхал клочок, рассматривал его, щурясь. Лицо его при этом принимало жуткое выражение, но Сенька нисколько не трусил.

— Миром пахнет. Довоенным... Не верится даже, — шепнул, наверное, себе, сблдат и вздохнул, аккуратно и ловко свернул дымилку. Раскурил, несколько раз глубоко затянулся.

— Как Христос в лапках протопал... Знатная крупка...

Сеньке страсть как хотелось заговорить с солдатом о фронте, об отце, но банка жгла ему живот. И он соображал, как вернуть ее. Что вернуть надо — понимал, но придумать — как, чтобы не обидеть солдата и самому не краснеть, — не представлял.

А впереди, на угоре, под раскидистыми тополями и липами, показалась деревня.

— Тормози-ка, — попросил солдат, — я тут, пожалуй, спешу.

Сенька, готовый от злости на себя зареветь в голос, вытащил из-за пазухи банку и протянул ее солдату.

— Возьми, дяденька...

Солдат, видно, понял, что творится с парнишкой, и взял банку.

Сенька спешил сильнее, чем на пожар. Ему не терпелось попасть домой. «Вот расскажу маме, что видел солдата, который только с войны идет, она обрадуется и не будет по ночам молиться за реветь». Он сдал Полигии бочку с накладной, сбрую и отвел Шермака в загон. Побежал огородам к дому. Открыв дверь в избу, закричал с порога:

— Мама! Мама! — и увидел сидящих за столом деда Матвея и солдата. Рядом, спрятав руки под передник, стояла мать. Догадка озарила Сеньку:

— Тятя! Тятенька! — и кинулся парнишка головой в грудь солдату, пржался лицом к загрубелой, провонявшей потом и табаком гимнастерке.

— Обознался ты, сынок! — всплеснула руками мать. — Это же Гордей Пашков с Каксуру, дружок отца-то...

— Не горюй, малыш, — виновато проговорил Гордей, — скоро твой батяка придет. В Вологде я его оставил, в лазарете. Дорогой к дому схватило. От самого Воронежа мы вместе — оттуда и туда к снова оттуда... По госпиталям и то дружно валялись, так подоходило... — и, криво улыбаясь, солдат вытянул из мешка ту самую банку и поставил ее на стол. — Вот он и гостинца передал!

Сенька будто чокнулся от радости. Он запрыгал по избе, забегал вприсядку, а потом закричал:

— Мама! Мама! Можно я к Витьке сбегаю, скажу, что папа скоро, пусть не задевает.

— Беги, Сеньюшка, — отпустила счастливая мать.